

Выше мы указали, что основными проблемами философии, вытекающими из ее сущности—мирообъемлющего синтеза—являются: 1) проблема о сущности мира, 2) обь «я», 3) обь отношеніи или познаніи «я» и «не я» и 4) о цѣли и смыслѣ бытія... Эти вопросы всегда составляли сущность всякой философии, и всякая философія, взявши что-нибудь за основную посылку, дедуктивно согласуясь съ своей посылкой, отвѣчала на всѣ эти вопросы... Въ этомъ согласіи съ своей основой и заключается критерій ея «истинности»,—типичнаго реагирования на единство мира.

Занимался ли этими вопросами Толстой?—Отвѣтъ ясенъ: вся дѣятельность Толстого—не художника—представляетъ не что иное, какъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, разрѣшеніе не путемъ научнаго анализа, а путемъ философскаго, мирообъемлющаго синтеза... Взявши опредѣленную посылку, Толстой послѣдовательно строить на ней цѣлую систему философии, гдѣ каждый членъ съ логической необходимостью вытекаетъ изъ предыдущихъ посылокъ и является необходимымъ звеномъ въ этомъ стройномъ зданіи философскаго творчества, въ свою очередь обусловливающаго мельчайшія детали міровоззрѣнія и поведенія Льва Николаевича. Поэтому выхватывать изъ этой системы отдѣльные члены, какъ это дѣлаетъ проф. Исаевъ, и критиковать ихъ съ точки зрѣнія «фактовъ» и частной науки—значить не понимать сущности философии. Толстой, какъ и Гегель, можетъ на подобную критику отвѣтить: «тѣмъ хуже для фактовъ».

Правда, Толстой не употребляетъ мудреныхъ философскихъ терминовъ: «трансцендентный, имманентный, феноменальный, ноуменальный», etc., по присутствію которыхъ часто относятъ человѣка къ «философамъ», но едва ли нужно указывать, что суть дѣла не измѣняется оттого, будемъ ли мы при рѣшеніи проблемы употреблять мудреные слова или, вмѣсто мудреныхъ словъ, скажемъ простыми, понятными словами. (Впрочемъ, почему Толстой «простъ»—на это тоже есть свои причины: см. ниже).